

ГЛАВА 1

— У холостяка одежда и все вещи в полном беспорядке валяются на своих местах, а у женатого мужчины они очень аккуратно сложены там, где он их никогда сам не найдет.

— Витя! — возмутилась хозяйка дома, которая сидела на противоположном конце стола. — Что ты говоришь?!

— Правду, Пусик, — улыбнулся тот, — чистую, как слеза этой наглой собаки!

Я взглянул на Демьянку, та старательно делала вид, что ее совершенно не интересуют сочные котлеты, только что поставленные перед гостями.

— Иван Павлович сейчас подтвердит, что все дамы ведут себя одинаково, — продолжал Виктор, — действуют, как английские колонизаторы в Индии. Сначала приятная во всех отношениях особа соглашается посещать с вами театры, выставки. Затем она не отказывается отужинать в ресторане. Следующий этап: приглашение дамы к себе домой на чашечку кофе. М-да! Добрый совет холостякам: не продолжайте

отношения далее. Утром с нежной улыбкой доведите очаровательную особу до ее места работы, ласково попрощайтесь и бегите со всех ног! Смените номер телефона, заползите под валун, закопайтесь глубоко под землю, эмигрируйте в Танзанию, станьте первым обитателем Марса. В противном случае события начнут развиваться с калейдоскопической скоростью, вы потеряете пульт управления ими. Если вечером опять предложите красавице капучино в своей квартире, то утром найдете в собственной ванной ее зубную щетку и розовый халат. Вернувшись с работы, обнаружите, что на вешалке висит несколько пальто кукольного образца, а на подставке теснится пар двадцать обуви. Никогда не понимал, зачем женщинам столько туфель и сапог? Опомниться не успеете, как ваша квартира забьется вазочками, салфеточками, фигурками кошечек-собачек. На бортике ванны выстроятся шеренги кремов, а скромные мужские средства для бриться переселятся в шкафчик. «Милый, у тебя такой беспорядок, клади все на место!» Еще дней десять такой жизни, и вы не сможете ничего найти. Рубашки, пиджаки в шкафу, носки в комод, книги будут переставлены. Но для меня вещи удобно размещались на стуле! Теперь я их часами в гардеробах ищу! «Дорогой, белью не положено находиться в хлебнице!» Почему? Мои носки там много лет замечательно жили!

«Я твоя невеста, забочусь о твоём комфорте». Я делал себе бутерброд и спокойно одевался. Вот на этой фазе отношений суженой ещё можно сердито заявить: «Мой дом, мои правила». И любительница порядка прикусит язык. Если же в паспорте милашки появился штамп, то пиши пропало. Муж обязан все класть на место, которое определила жена. Почему? Так надо! Почему? Так правильно и красиво! Почему у нас на кухне в жестянке с надписью «соль» хранится сахар, а рафинад находится в банке, на которой написано «мука»? «Хи-хи, милый, не лезь в быт, просто делай, как я велю, и, кстати, где твоя зарплата?» Признайтесь, Иван Павлович, с вами именно так и было?

— Нет, — улыбнулся я.

Виктор Николаевич отложил вилку.

— Ваша супруга лишена педагогической жилки вкупе с дизайнерским талантом?

— Увы, я не женат, — пояснил я.

Брат хозяина поместья отодвинул от себя тарелку.

— Неужели ваша бывшая никогда вас не транила?

— До сих я не связывал свою судьбу ни с одной дамой, — уточнил я.

— Вау! Вы гей? — неожиданно выпалил нахал.

— Витя! — хором воскликнули хозяева.

— Я просто спросил, — сделал круглые глаза мужик.

— Не отношусь к сексуальным меньшинствам, — спокойно ответил я.

— Тогда почему вы не женаты? — удивился Виктор.

— Витя! — снова в унисон воскликнули муж с женой.

— Невежливо задавать такие вопросы, — добавил владелец дома Константин Сергеевич.

— Правда? — прищурился его братец. — А чем еще ты не советуешь интересоваться?

Хозяин усадьбы аккуратно сложил полотняную салфетку с вышитыми на ней буквами «К» и «А» и водрузил ее около своей тарелки.

— Неприлично спрашивать, сколько человек зарабатывает.

— Или приставать к нему: за кого вы голосовали на выборах, — добавила Полина Николаевна. — Я права, Кусик?

— Абсолютно, Пусик, — кивнул супруг.

— Значит, я, по-вашему, дурно воспитан? — оскалился Виктор.

— Никто из нас этого не сказал, — возразил Константин, — просто не надо обижать Ивана Павловича, подозревая его в мужеложстве.

— Я не принадлежу к числу тех, кто дует губу при каждом удобном и неудобном поводе, и я не трепетная барышня и понимаю, что

мужчина моих лет, категорически не желающий вступать в брак, вызывает некоторые подозрения. Но я просто пока не готов завести семью. Не созрел.

— По мне, так вы давно перезрели, сгнили и с ветки рухнули, — снова схамил Виктор.

У Полины Николаевны выпала из рук вилка, и тут весьма вовремя в комнату вошла крепкая, если не сказать полная девушка лет эдак пятидесяти. На красавице была фиолетовая юбка и желто-коричневая кофта в мелкий цветочек.

— Полина Николаевна! — заорала она. — Синее блюдо не могу из шкафа вытащить! Высоко запихнуто! Во что мне к ужину студень из кур налить, если не туда, куда вы велели?

Хозяйка явно обрадовалась возможности сменить тему беседы.

— Татьяна! В доме есть лестница!

— Та, что в большой кладовой спрятана?

— Да, — ответила Полина.

— Так нету ее там!

— Значит, в малой надо посмотреть, — не дрогнула Полина Николаевна, — и со всеми подобными вопросами обращайтесь к экономке Инессе.

— В крохотном чулане хранится фигня разная, мелочь вроде подносов с ангелочками! — заорала Татьяна. — А Волкова куда-то подевалась, ее нигде нет.

Константин Сергеевич поморщился. Демьянка гавкнула. Моя псинка ранее тихо лежала рядом с маленькой, весьма неказистой на вид собачкой, которую я, войдя в гостиную, принял за морскую свинку на вольном выпасе. Сначала я удивился, что грызун вольготно бродит по комнате, а не сидит в аквариуме, и тут Полина стала бурно восхищаться:

— Кусик! Полюбуйся, какая у господина Подушкина очаровательная домашняя любимица. У нее розовый ошейник с золотым сердечком! Давай Морису такой же купим!

— Он же кобель, — возразил супруг, — ему подойдет другой цвет.

— Голубенький! — обрадовалась дама.

И я понял: заморская хрюшка на самом деле собака. Демьянка тявкнула еще раз, Морис, располагавшийся у камина, открыл пасть и издал звук, которому могла бы позавидовать мощная пожарная сирена. Я вздрогнул, ну и ну! Тело размером с кофейную чашку, а бас, как у... Подобрать сравнение мне не удалось.

Константин Сергеевич отодвинул тарелку.

— Женщина! Вы кто?

— Новая сушка, — ответила тетка.

Все присутствующие уставились на Татьяну.

— С маком? — осведомился Виктор. — Или с солью? К чаю или к пиву?

— Сушка? — повторил Константин. — Это кто?

— Если она не хлебобулочное изделие, то, возможно, бегают по заднему двору с простыней в руках, — без тени улыбки объяснил его сводный брат, — белье сушит. Большая экономия электричества получается.

— Ой, мужчина, — воскликнула Таня, — меня вчера наняли к вашему повару! Каждый иностранец за плитой называется сушиф. А у него в подмогах сушка!

— Су-шеф, — осенило меня, — правая рука главного шефа на кухне.

— Во, он знает, — обрадовалась Татьяна.

— Но как именуется его помощник, я понятия не имею, — добавил я.

— Уважаемая, перестаньте вопить! — велел владелец дома.

— Я? Воплю? Нормально беседую! — еще громче закричала женщина. — Блюдо нужно, а достать его как?

Полина Николаевна закатила глаза.

— Татьяна, я вам объяснила при найме: не надо ходить туда, где живут хозяева. Витя, помоги, пожалуйста! Принеси прислуге лестницу.

— Скока заплатишь? — уточнил тот. — Цена за услугу?

Хозяйка растерянно взглянула на мужа.

Борис, который сидел около меня, встал.

— Если позволите, я с удовольствием выполню все, что требуется. Очень люблю домашнюю работу. Без скромности замечу: прекрасно с ней справляюсь. Ведь так, Иван Павлович?

Я улыбнулся.

— О да! Полина Николаевна, смело можете положиться на Бориса.

— Спасибо, мой ангел, — затараторила «помещица», — очень-очень-очень вам благодарна. В доме орда челяди. Но кое-кто из прислуги не понимает, что можно, а чего нельзя. Грубая рабочая сила всегда исчезает, когда в ней есть нужда. Пойдемте, покажу кладовую, где хранится стремянка.

Когда Полина, Борис и Татьяна ушли, в комнате повисла напряженная тишина, потом Виктор вскочил со словами:

— Людей без чувства юмора следует удавить подушками, чтобы они не размножались. Мой вопрос: «Скока платишь?» — являлся тонкой шуткой, которую, Костя, твоя жена не оценила!

Высказавшись, Витя сообразил, что сейчас разразится скандал, и мигом удрал из комнаты.

Хозяин схватил со стола фужер с водой и залпом осушил его.

— Виктор мне брат наполовину. Он от второго мужа матушки. Нина Амаретти после смерти моего отца вскоре снова отправилась под венец.

Я учился в школе, когда на свет появился Витя. Новый супруг маменьки быстро понял свою ошибку и резво сбежал. Он-то считал, что вдова известного литератора, да еще наполовину итальянца, купается в неземной роскоши. Матушка умеет производить нужное впечатление, люди полагают, что она очень богата, получает гонорары за издания покойного Амаретти. Ан нет. Мать содержу я, книгами Сергея Константиновича давно не торгуют в магазинах. Ваш папенька, Иван Павлович, оказался умным человеком, он писал исторические романы. Любовные истории, которые разыгрывались в Древней Руси, хорошо продаются во все времена, они вне политики. А мой отец Сергей Константинович сделал ставку на коммунистов, ваял романы про Ленина, КПСС, комсомольские стройки. Да простит меня папенька, но читать его опусы сейчас невозможно, и раньше агитки никому не нравились, хотя в советские времена тиражи у папаши зашкаливали. А потом — упс! Все закончилось. Почему я обратился именно к вам? Потому что ваша биография отчасти и моя биография. Господин Подушкин, вы сын весьма успешного писателя, а ваша маменька, Нинолетта Адилье, популярный светский персонаж. Моя Нина ей чертовски завидует. Я исправно даю матери деньги, выполняю все ее капризы, но сделать госпожу Амаретти героиней высшего света у меня не получается.

— Николетта сама превратилась в светскую даму, — вздохнул я. — Я в этом никак не участвовал. Николетта вышла замуж за обеспеченного человека, теперь я более не отвечаю за материальное благополучие матери.

Константин широко улыбнулся.

— Вот почему я решил обратиться именно к вам. Мы с вами очень похожи. Воспитание, детство, юность — все одинаковое. Вы сможете меня понять, а человек из другого социального слоя — нет. Я рад, что мы остались одни. Разрешите, я изложу свою проблему?

— Слушаю вас внимательно, — ответил я и стал внимать рассказу клиента.

ГЛАВА 2

Константин остался без отца в школьном возрасте и сразу лишился многих радостей. Его мать постоянно твердила о нехватке денег и перестала что-либо покупать мальчику. Потом Нина Леонидовна Амаретти вышла замуж и через несколько лет родила Витю.

Судьба Кости снова сделала резкий поворот, и отнюдь не на солнечную сторону судьбы. Отчим очень быстро сбежал от Нины и младенца. Мать сказала старшему сыну:

— Ты обязан содержать семью.

А Костя только поступил в Литературный

институт. Он растерялся: где взять денег? Студент стал спрашивать однокурсников, и Егор Кузьмин подсказал ему заняться репетиторством, он же дал Амаретти двух учеников. Константин оказался хорошим учителем, быстро обзавелся толпой школьников-двоечников и стал за десять долларов в час вколачивать в их дубовые головы осколки знаний по русскому языку и литературе. Труд репетитора тяжел и неблагодарен, учителя могут обмануть родители, «забудут» ему заплатить. Как-то раз Егор пожаловался Косте:

— Знаю же, что деньги надо брать за каждый урок, но нарушил золотое правило. Одна мамаша решила рассчитываться за десять занятий сразу. И почему я согласился? Не иначе меня птица глупости в темечко клюнула. Вчера настал день «Х», а баба дверь не открыла, я по телефону звонил — не подходит. Аукнулись мне сто баксов, а я на них так рассчитывал.

— Дай адрес, — попросил Костя, — поеду к мерзавке. Если она спросит, кто я, представлюсь... э... Ну, придумаю кем. Она меня не знает, впустит, не подумает, что я деньги потребую.

— Ничего не получится, — уныло сказал Егор.

— Попробовать-то стоит! — воскликнул Костя.

На следующий день Амаретти отдал другу сто долларов. А тот протянул ему десять.

— Зачем? — спросил Костя.

— Ты времени много потратил, — начал Гоша, — хочу тебе процент...

— Да иди ты знаешь куда, — огрызнулся Амаретти, но призадумался.

И спустя некоторое время стал зарабатывать немалые деньги. Десять заокеанских рублей, которые совал ему приятель, навели его на мысль создать ассоциацию репетиторов и официально зарегистрировать ее. Только-только взошла заря перестройки, в то время открыть фирму мог любой человек, правда, очень часто бизнес оказывался однодневным, рушился быстрее, чем появлялся. Но объединение «Университет помощи» крепко встало на ноги. Константин находил учеников педагогам, помогал призвать к ответу тех, кто жульничал с оплатой. К нему обращались родители, которые хотели сделать из недорослей мало-мальски грамотных людей. В «Университете помощи» вы и сейчас найдете учителя по любому предмету, даже такому экзотическому, как японский этикет. И, что немаловажно, не разоритесь на оплате. Костя имел отчисления от каждого заказа, он давно уже сам не висит на телефоне, соединяя заинтересованные стороны. На Амаретти работает мощный штат сотрудников. Чем сейчас занимается Костя? Он неожиданно для себя начал писать любовные романы из жизни обывателей выдуманного им городка Юримосковск. Почему

успешный бизнесмен, давно и счастливо женатый, вдруг занялся жанром, в котором царят дамы? Нет ответа на этот вопрос. Амаретти просто нравится водить ручкой по бумаге, в нем ожили гены отца. Рукописи Костя складывал в шкаф, он не собирался их публиковать. Перед тем как спрятать очередной опус, он читал его Полине. А та решила сделать супругу подарок на день рождения, отнесла одну рукопись в издательство. Полина Николаевна думала, что все книги издаются за счет авторов. Она отдала роман Константина мрачной молчаливой тетке в мешковатой кофте и робко спросила:

— Хочу вот мужу сюрприз устроить. Можете это напечатать?

— Вам сообщат, — буркнула нелюбезная дама.

Через месяц Полине позвонил мужчина с вопросом:

— У господина Амаретти еще есть рукописи?

— Да, — ответила Полина, — двадцать штук.

— Немедленно пусть все привезет, — потребовал незнакомец, — и паспорт прихватит.

Вот так Константин Сергеевич стал известным писателем, начал получать солидные гонорары, купил усадьбу, которая, по словам его матери Нины Леонидовны, некогда принадлежала ее предкам.

Госпожа Амаретти-старшая обожает рассказывать, как в тысяча девятьсот девятнадцатом

году ее бабушку выгнали из родового поместья. С той поры и особняк, и сад, и хозпостройки пришли в негодность. В конце концов некогда красивая усадьба превратилась в руины. Когда Костя заговорил о приобретении загородного особняка, мать категорично заявила:

— Ты обязан купить место, где жили твои предки.

Полина только вздохнула. Ее свекровь постоянно говорила о прекрасных днях, проведенных вместе с бабушкой и дедушкой, о чае из самовара, о крепостных крестьянах, которые на Рождество и Пасху приходили в господский дом славить барина и барыню. Полина Николаевна никогда не спорила с матерью мужа, она прекрасно понимала: переубедить Нину Леонидовну невозможно. Если госпожа Амаретти заявит: «Солнце восходит на западе», — то весь мир может сколько угодно твердить про восток, Нина Леонидовна не изменит своего мнения.

Но когда пожилая дама, велев сыну вернуть родовое гнездо семье Амаретти, в очередной раз завела речь про крепостных рабов, Полина не выдержала:

— Нина Леонидовна! Вы родились в тысяча девятьсот сорок...

— Что? — перебила невестку дама. — Я появилась на свет в шестьдесят третьем!

Полина улыбнулась.

— Крепостное право в России отменили в тысяча восемьсот шестьдесят первом, а ваша бабушка скончалась в год окончания Великой Отечественной войны.

— И что? — грозно спросила свекровь.

Константин, который молча присутствовал при разговоре, наступил супруге на ногу, но Полина закусила удила.

— Хорошо. Если вы родились в тысяча девятьсот шестьдесят третьем, значит, крепостных в стране уже сто лет как не было. А ваша бабушка давно была в могиле. Невозможно пить чай с тем, кто умер до того, как ты на свет божий появилась!

Чтобы живописать скандал, который закатила госпожа Амаретти-старшая, надо обладать литературным даром великого греческого драматурга Софокла. Вот он мог найти подходящие слова. Итог выяснения отношений на повышенных тонах: усадьбу купили. Костя хотел нанять историка, который пороется в архиве, найдет какие-то материалы о барском доме, возможно, отыщет рисунки, чертежи. Но мать решительно отвергла эту идею, заявила:

— Я отлично все помню. У нас было три этажа! Тьма комнат! Слева башенка, три балкона, веранда! Сейчас нарисую!

Госпожа Амаретти-старшая схватила лист бумаги и начала энергично работать карандашом.

Тут уместно упомянуть, что Нина Леонидовна когда-то закончила архитектурный институт, пару месяцев работала в каком-то НИИ. Чем там занималась мать, Константин не знал, но он часто слышал ее слова:

— Чтобы родить сына, я бросила любимое занятие, загубила свой невероятный талант!

Еще госпожа Амаретти рисует картины, она считает себя художницей, равной Рафаэлю.

Константин остановился и налил воды в свой фужер. Я терпеливо ждал, пока он доберется до сути вопроса.

— Я утомил вас рассказом о Нине Леонидовне? — предположил господин Амаретти.

— Нет, — ответил я, — чем больше подробностей сообщает человек, тем легче мне работать. Над буфетом висит одна из работ вашей матушки?

Константин Сергеевич повернул голову.

— О да! Называется «Воспоминание пасхального яйца».

Я еще раз окинул взглядом полотно, на котором художница изобразила роскошный письменный стол, три книги, подсвечник, и спросил:

— А где яйцо?

Константин пожал плечами.

— Сам недоумеваю, но задавать вопросы автору опасно. Мама считает, что особняк построен по ее чертежам. Открою тайну: я нанял профессионального зодчего, но, чтобы избежать

скандала, сохранил то число комнат, которые запланировала Нина. Мы справили новоселье несколько лет назад, но я до сих пор путаюсь в помещениях. Здание большое, более двух тысяч квадратных метров. Зачем нам такое? Я не хотел злить матушку. Хорошо понимаю: у нее сложный характер, она эгоистка с истерическими припадками доброты, может испытывать желание сделать кому-то что-то хорошее. У нее тьма подруг, с лучшей из них, Дюкой, Нина пребывает в вечном соревновании: у кого больше подписчиков в Инстаграме. Если я возведу скромный дом, и Нина, и ее окружение заклюют меня.

Я с трудом удержался от смеха. Я полагал, что Николетта существует в единственном экземпляре. Ан нет! Нина Леонидовна — клон моей маменьки. И, что совсем уж смешно, у госпожи Амаретти есть подружка Дюка, а у Николетты — Зюка.

— Ну а теперь причина, по которой я обратился к вам. Пару месяцев назад я получил письмо. В нем была всего одна фраза: «Пепел убитой Елены стучит тебе в сердце».

— Похоже, тот, кто отправил послание, читал книгу «Легенда об Уленшпигеле»¹, только

¹ «Легенда о Тиле Уленшпигеле и Ламе Гудзаке, их приключениях — забавных, отважных и досто-славных во Фландрии и иных странах». Сокращенно «Легенда об Уленшпигеле», 1867 г., автор бельгийский писатель Шарль де Костер.

там чуть другое выражение: «Пепел Клааса стучит в мое сердце», — вспомнил я, — увы, вокруг слишком много шутников. Почему вас встревожила эта глупость?

— Да вначале я вообще не обратил внимания на идиотскую записку, — фыркнул Константин, — разорвал ее и выбросил.

— Погодите, речь идет не об электронной почте? — удивился я.

— Нет. Обычный конверт, марка, адрес, который напечатали, — объяснил хозяин, — я подумал, как и вы: в моем окружении есть идиот, любящий розыгрыши. Прошло некоторое время — новая депеша. Конверт другой, марка тоже, адрес напечатан, текст: «Елена скоро придет, ее поцелуй смертелен».

— Так, — протянул я, — интересно.

— Я опять выкинул послание, — продолжал Константин. — И наконец, новое сообщение: «Елена тут, встречай, она тебя к себе в могилу заберет».

Вот это мне уже не понравилось.

ГЛАВА 3

— Мало кто придет в восторг, если его будет преследовать не совсем нормальный человек, — заметил я. — И что было дальше?

Константин поморщился.

— У меня на тумбочке я нашел шарфик, шелковый, персиковый. Я отлично помнил, что вечером, ложась спать, никаких тряпок на ночном столике не видел. Откуда он взялся?

— Возможно, его забыла Полина Николаевна, — предположил я.

— Я спросил у жены, — сказал собеседник, — она изумилась: «У меня очень светлая кожа, поэтому я не ношу ничего пудрово-розового. И терпеть не могу все, что завязывается на шее, оно меня душит. Кроме того, от шарфа несет духами, которыми я никогда не пользовалась».

— Марку можете назвать? — обрадовался я.

— Чего?

— Духов, — уточнил я.

— Не разбираюсь в них. А Полина, понюхав шарф, удивилась: «Парфюм «Столица». Слегка потускневший, но отчетливо улавливаемый». У моей супруги уникальные нюхательные способности. Ей можно собакой в аэропорту служить, наркотики в багаже искать. Для меня все прыскалки похожи, а жена разбирается в нюансах. Она же мне объяснила, что фабрика до сих пор выпускает этот парфюм, но со временем он слегка изменился, с середины семидесятых производят подправленный вариант: не дорогостоящую классику, а более дешевую реплику. Однако тряпка пахла настоящей «Столицей». Где

можно раздобыть флакон, учитывая, что оригинал уже не производят? Ответ лежит на поверхности: кто-то хранил его в шкафу и только недавно открыл. Но!

Константин сделал паузу и повторил:

— Но! Полина просветила меня. Оказывается, все парфюмерные изделия имеют срок годности. По его истечении запах меняется. А от ткани веяло свежим ароматом. Я выбросил шарф. Затем появились туфли.

— Туфли? — переспросил я.

— Именно так, — подтвердил господин Амаретти, — маленькие лодочки на шпильке, размер не назову. Явно старые, ношенные.

— Где вы их обнаружили? — поинтересовался я.

— Приехал домой, поспешил в душ, вышел, — перечислил Константин, — гляжу: на консоли у стены стоят туфли! И листок: «Елена их потеряла, когда на смерть шла». Вот тут я окончательно утвердился в мысли, что стал объектом издевательств! Но как «шутник» в особняк проникает?

Я молча слушал Константина. Странно, что ему не сразу в голову пришла мысль о любителе глупых шуток. Когда я шел сегодня к особняку от парковочной зоны, заметил, что на первом этаже все окна были нараспашку. Через них можно легко влезть в дом. Да и в дверь зайти

незаметно ничего не стоит, никто холл не сторожит.

— У вас такое лицо, словно вы хотите задать вопрос, — усмехнулся хозяин.

— Сколько человек тут живет? — поинтересовался я.

— Я, Полина, Нина Леонидовна, Виктор, — перечислил хозяин, — еще прислуга. Вот о ее количестве надо спросить у экономки. Я не в курсе. Горничными и прочими под руководством Полины занимается Инесса Юрьевна Волкова. Но нет необходимости изучать каждую нанятую персону. Автор спектакля — Виктор!

— Что вы от меня хотите? — задал я главный вопрос. — Если знаете имя сценариста, то я вам не нужен.

— Поймите негодяя на месте! Докажите, что он устроил это идиотство! — покраснел Константин. — Тогда наконец я получу возможность отселить его! Младший брат мне надоел хуже конфет на завтрак-обед-ужин! Если я расскажу про все его фокусы, вас стошнит! Виктор — мое личное несчастье.

— У вас плохие отношения? — уточнил я.

— Плохие отношения? — повторил Константин. — Пять раз я давал ему денег на открытие бизнеса! Где результат? Бабки испарялись, фирма не появлялась. У мерзавца всегда находился ответ на вопрос «Почему ты профукал немалые

средства?» — «Случился кризис, а ты мне отсчитал миллионы рублями! Надо было валютой, вот тогда бы я сидел на коне, а не лежал в канаве. Кто виноват? Костя». Ладно, в следующий раз я выписал ему евро! Так и они «упали»! Вместо девяноста рубликов за одну штуку стали давать семьдесят пять, Витенька хотел купить магазин, а за него требовали рубли! Их не хватило. Кто виноват? Я. Зачем валюту ему отсыпал? В третий раз он снова лавку приобретал, продавцу было все равно, в чем оплату получать, хоть в африканских монетах, но наличкой. Виктор мне ни слова не сказал о том, что собрался чемодан с тугриками в зубах тащить. И? Ваша версия?

— Его обокрали, — предположил я.

— В яблочко, — побагровел хозяин. — Кто виноват? Снова я! Почему я охрану ему не обеспечил? По какой причине инкассацию не нанял? Далее печальную сагу потери братцем денег на бизнес излагать не стану. Живет Витька на всем готовом, ни на коммунальные услуги, ни на еду денег не тратит. А кто его одевает-обувает, машины покупает, на отдых лентяя шесть-семь раз в году отправляет? Можете назвать имя?

— Простите, Константин Сергеевич, — остановил я обозленного хозяина, — нелогично получается. Виктор целиком и полностью зависит от вас, старшего брата? Или я ошибаюсь?

— Он у меня с руки ест, — зашипел Амаретти.

— Тогда он должен заботиться о вашем здоровье и душевном комфорте, — продолжал я, — ему невыгодно доводить щедрого родственника до инфаркта-инсульта! Чем дольше тот живет на этом свете, тем сытнее и лучше будет существование Виктора.

Собеседник отвернулся к окну.

— Иван Павлович! Я не хотел никогда трутню даже копейки давать. Ему не пятнадцать лет. Я в его возрасте давно серьезными делами ворочал. Но Витю обожает Нина Леонидовна, а мать умеет из меня веревки вить. Кабы не она, жить бы Вите в городе на то, что сам заработал. Что будет, когда мать покинет этот мир? Я Виктора отправлю восвояси. Он это понимает. У меня есть грешок: если меня разозлить, я становлюсь сердитым и говорю что думаю. Для младшего брата не секрет, как к нему я отношусь. У нас с женой нет детей. Мы их никогда не планировали, оба не желали тратить время и деньги сначала на кричащего младенца, потом на хамоватого подростка, затем на равнодушного взрослого, для которого пожилые родители докупа. Кто после нашей кончины получит немалое наследство? Виктор!

Я возразил:

— Константин Сергеевич, вы далеко не старик, находитесь в возрасте активности, а не угасания.

— Иван Павлович, у меня серьезные проблемы с сосудами, я прошел уже через микроинсульт, — вздохнул хозяин поместья, — и мне ли вам объяснять, что довести до смерти можно совсем юного здорового человека!

— Я не знаком в достаточной мере с вашим братом, — продолжал я, — поправьте, если я ошибаюсь, но у меня создалось впечатление, что он любит пошутить. Устроить веселый для него, но совсем не забавный для другого розыгрыш.

— Стопроцентная правда, — процедил сквозь зубы Амаретти. — Подложить мне под простыню презерватив с водой — вот уровень шуток Виктора.

— Вероятно, брат не собирался отправить вас в загробное путешествие, — заметил я, — просто устроил очередной глупый спектакль.

— Виктор меня бесит своим поведением, смешками, развязностью, неуважением к Полине. Если вы поймаете его на идиотском розыгрыше, я получу повод выселить этого прихлебалу. Не могу более с ним в одном доме находиться. Вы же слышали, как он с нами разговаривает. Ни уважения, ни благодарности и в помине нет. Он постоянно жалуется матери, что я его за человека не считаю. Нина Леонидовна устраивает бучу, твердит: «Ты просто ненавидишь Витюшу! Намеренно причиняешь мне боль! Не хочешь наладить отношения с братом.

Он эмоциональная творческая личность! Вот ты ему денег жалеешь, а Витюша стал лучшим блогером!»

— Виктор работает сейчас в Интернете? — уточнил я.

Владелец имения расхохотался:

— Работает в Интернете? Пишет в Фейсбуке чепуху, врет матери, что ему за рекламу платят. Я очень хочу избавиться от нахлебника, поэтому и пригласил вас с помощником и просил не говорить, что вы детектив.

— Помню, — кивнул я. — Я дизайнер по интерьеру. Борис мои правая-левая руки и обе ноги. Нам предстоит дать вам совет по обновлению маленького дома, где вы работаете.

— Именно так, — потер руки владелец усадьбы, — ваша задача доказать, что именно Виктор подбрасывает мне idiotские послания про Елену. Получив доказательства подлого поведения брата, я со спокойной душой отправлю его жить в городскую квартиру. Вместе с мамашей. Скажу честно, мы с Полиной очень от них устали. Жена их терпит, молчит. А я рад получить повод, чтобы выставить родню.

— Сомневаюсь, что ваша мать согласится уехать, — вздохнул я.

Константин Сергеевич надулся.

— Давайте правильно расставим акценты. Кто от кого зависит? Я от Нины или она от меня?

— Материально ваша мать находится полностью в вашей власти, а вот морально... Тут придется признать, что вожди правления в руках у нее, — вздохнул я. — Вы говорили, что наши биографии схожи. Согласен, есть общие моменты. Но есть и различия; госпожа Адилье очень богата, а я отнюдь не «мальчик» зрелого возраста, который стоит у маменьки в спальне, сложив ладошки ковшиком. Мои доходы в разы меньше ваших, но их вполне хватает, чтобы я чувствовал себя вполне довольным. У Николетты нет для меня финансового поводка. В принципе я могу не поддерживать с ней отношений. Но я не могу и пойти на скандал с матерью. Почему? Тут тугой клубок из жалости, воспитания, нежелания конфликтовать, попытки стать хорошим сыном. Мне его вовек не размотать. Поэтому я иду у маменьки на поводу.

— А я созрел для любой битвы! — решительно воскликнул Константин. — Немаловажную роль в желании избавиться от родственников играет настроение моей жены. Полина воспитанна, интеллигентна, безусловно владеет собой, никогда не сказала плохого слова ни свекрови, ни Виктору. Но пару дней назад я слышал, как она плачет в ванной. Супруга полагала, что я отправился на прогулку. Я в любую погоду хожу в свободный день гулять после завтрака. Пять километров по окрестностям. И в то утро отпра-

вился в лес, но на выходе из особняка увидел, что забыл шагомер, поднялся в спальню и услышал из санузла тихие причитания: «Больше не могу! Больше не могу! Пусть они исчезнут».

Константин собрал складками лоб.

— Я сразу понял, по какой причине Полина впала в отчаяние. За завтраком я сказал, что мы день рождения супруги отметим в Париже. Без шума. Тихо. Келейно. Полина не хочет толпы гостей, фейерверка, горы ненужных ваз, картин и всякой белиберды, которую притаскивают знакомые.

«Прекрасно, — оживилась Нина, — я очень люблю японский ресторан на Рю Мон Табор. Хочу поужинать в праздник именно в нем».

«Прекрасная идея, — подхватил Витюша, — там изумительные суши».

Я опешил, не предполагал лететь вчетвером и честно сказал:

«Мы собираемся отметить праздник Полины во Франции вдвоем!»

Разыгралась древнегреческая трагедия. Нина рыдала, жаловалась, что я ее не люблю, Виктор утешал мать, постоянно повторяя:

«Мамуля, Костик пошутил. Глупо. Конечно, он нас приглашает».

«Столица Франции мой любимый город, — стенала Нина Леонидовна. — Почему я лишюсь поездки? Если Полине неприятно в свой праздник посидеть со свекровью в ресторане,